

Василий Брусянин

**«Облетели цветы,
догорели огни»**

Василий Васильевич Брусянин
**«Облетели цветы,
догорели огни»**
Серия «Ни живые – ни мёртвые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9246353

Аннотация

«Около одиннадцати часов вечера по Вознесенскому шли два молодых художника. Кутаясь в пальто с барашковыми воротниками, они торопливо шагали по панели, подгоняемые морозом, но это не мешало им весело болтать, задорно смеяться и злословить. За глаза они подтрунивали над своим профессором, который, несмотря на седину в бороде, отчаянно ухаживает за ученицей Силиной, жгучей брюнеткой с карими глазами.

– Стой! – неожиданно выкрикнул один из них, высокий блондин с маленькой бородкой, когда приятели поравнялись с громадным окном цветочного магазина. – Посмотри, какая прелесть! На дворе такой морозище, а там!.. Цветут они и благоухают!.. Это напоминает мне дивную Италию!..»

Василий Брусянин

«Облетели цветы, догорели огни»

1

Около одиннадцати часов вечера по Вознесенскому шли два молодых художника. Кутаясь в пальто с барашковыми воротниками, они торопливо шагали по панели, подгоняемые морозом, но это не мешало им весело болтать, задорно смеяться и злословить. За глаза они подтрунивали над своим профессором, который, несмотря на седину в бороде, отчаянно ухаживает за ученицей Силиной, жгучей брюнеткой с карими глазами.

– Стой! – неожиданно выкрикнул один из них, высокий блондин с маленькой бородкой, когда приятели поравнялись с громадным окном цветочного магазина. – Посмотри, какая прелесть! На дворе такой морозище, а там!.. Цветут они и благоухают!.. Это напоминает мне дивную Италию!..

– Ну, плюнь!.. Пойдём... Холодно! – протестовал художник пониже, но всё же остановился у окна и засмотрелся на цветы.

Озарённые фиолетовым светом электрических лампочек, цветы, действительно, останавливали внимание прохожего.

¹ С. Я. Надсон «Умерла моя муза!.. Недолго она...». *Прим. ред.*

Ярко-красные, голубоватые как бирюза, белые как снег, они красовались за стеклом, подёрнутым иглами мороза, и казались равнодушными и к суровой зиме, и к холодному вечеру и к вьюгам, а над ними простирали свои громадные листья пальмы, филодендроны и фикусы, и у самого стекла стояла стройная, зелёная горная сосёнка.

– А вынеси в эту минуту любой бутончик на улицу – и опустит он свою красивую головку и скоро-скоро поблекнет!..

Не успел высокий художник закончить своей фразы, как дверь магазина отворилась, и на панели появилась высокая, стройная брюнетка, в светлой шапочке на тёмных вьющихся волосах и в коротком жакете, отороченном по воротнику и вдоль полы светлым барашком, под цвет шапочки.

– А вот выпал на улицу ландыш серебристый и не боится мороза! – приподнятым тоном воскликнул художник пониже, и его глаза с лукавой улыбкой встретились с глазами брюнетки.

Та вспыхнула, догадавшись, по адресу кого была брошена эта фраза, сверкнула зрачками тёмных ясных глаз, улыбнулась и пошла дальше. Полминуты спустя она снова обернулась и встретилась с двумя парами весёлых, внимательных и восхищённых глаз молодых людей. Девушка смутилась и пошла быстрее. Художники медленно и лениво пошли своею дорогой. Теперь они уже не злословили над своим профессором, и каждый из них, в тайне один от другого, думал о цветах, о серебристых ландышах, о брюнетке в светлой ша-

почке...

Быстро шагая по свежему похрустывавшему снегу панели, Надя думала о молодых людях, а в её ушах всё ещё звучала фраза о ландыше, выпавшем на улицу, и щекотала её чуткое самолюбие. Поравнявшись с углом улицы, она ещё раз невольно оглянулась и пристально посмотрела вдоль панели. В морозном воздухе, залитом электрическим светом, мелькали блестящие пушистые снежинки, по панелям двигались тёмные закутанные фигуры пешеходов, по улице взад и вперёд сновали сани, слышался говор, глухой и невнятный, слышался скрип под полозьями саней.

Надя повернула в узкий и глухой переулок, и сердце её словно упало. Здесь было сумрачно, газовые рожки уныло мигали, по обе стороны переулка тянулись стены тёмных домов... Безлюдно, сумрачно и неприветливо! Неприветливо как в их маленькой квартирке, с низким потолком, потёртыми половицами и с тёмными, замазанными обоями стен. В зальце одинокая лампа под зелёным абажуром, у стола старуха-мать с постоянно перевязанною щекою, а в соседней комнате брат Коля вслух подзубривает уроки... Скучно, темно и однообразно!

Каждый день в продолжение нескольких лет одна и та же однообразная жизнь, и лучше бы никогда не видеть этой ветхой и угрюмой обстановки комнат, не сидеть по вечерам у лампы с зелёным абажуром, не слышать стонов больной матери, или тягучего, противного и какого-то неестественного

голоса брата, который целые вечера проводит над скучными учебниками.

Сегодня Наде не хотелось бы думать об этом! Так хорошо прошёл ясный морозный день! В магазине с утра до вечера перебивало много покупателей, слышался говор, весёлый и беспечный, и так хорошо пахло цветами! У них в магазине всегда какой-то особенный тонкий аромат духов, и даже электрические лампочки светят особенно: на потолке, на полу и на стенах лежат узорные тени растений, а разноцветные бутоны ещё ярче выступают на тёмном фоне зелени.

В магазин заходит только чистая публика. Приезжают дамы-франтихи, от которых также пахнет духами, заходят надушенные, красивые и весёлые кавалеры, выбирают букеты, а иногда увозят целые корзины пахучих весёлых цветов!.. Немка-хозяйка не держит мрачных надгробных венков, и всё, что растёт и зеленеет в обширном магазине, всё, что цветёт и благоухает в зелени красивых узорных листьев, – всё это подготовлено для жизни, для радости, наслаждения и счастья!..

И работа у Нади лёгкая и чистая! Из дома выходит она не раньше десяти часов утра, и потом всё время проводит среди красивых благоуханных цветов, или разбирая своими тоненькими пальцами нежные стволики растений с разноцветными головками, или ходя по магазину около цветов и беседуя с покупателями. В свободное от занятий время Надя усаживается у широкого окна в зелени растений и сквозь пере-

плёт веток и узорных листьев смотрит на бойкий проспект. Когда надоест смотреть в окно, она берёт книгу и сидит в тишине над раскрытыми страницами, следя за интересной фабулой романа или повести. В книгах, которые ей приходилось читать, описывается, большею частью, жизнь таких людей, с какими Надя никогда не встречалась в действительности. И ей всегда казалось, что нарядные барыни и кавалеры, которые заходят в магазин, – также герои и героини таких же романов и повестей. Когда в книге встречались страницы описания иной жизни, и когда в романах описывались люди, которые казались Наде похожими на её мать, тётю Сашу, дядю Ваню и их многочисленных родственников и знакомых, – она пропускала такие страницы, потому что действительная жизнь, её жизнь, полна такими же скучными и однообразными днями и этими скучными нудными людьми, которые всё время говорят о нужде и заботах, ноют под бременем жизни, рождаются в нищете и умирают от нищеты и горя.

И зачем это сегодня лезут в голову эти невесёлые противные думы, и чем ближе к дому – тем неотвязчивее они. Сегодня всё утро мать вздыхала и говорила о том, что вот уже вторую неделю комната, которую они сдают жильцам, пустует. Старушка соображала, каков будет убыток, благодаря этому неприятному обстоятельству, и рассчитывала, сколько придётся приплатить за квартиру, урезав жалкую пенсию. Потом она говорила ещё что-то о дровах, о Колиной курточке, за ветхость которой мальчуган уже получил выговор от ин-

спектора гимназии. И пока Надя одевала в прихожей жакет и шапочку, чтобы уйти от ненавистной обстановки в мир цветов, из соседней комнаты всё ещё слышался тягучий голос матери. В продолжение дня она забыла об этой скучной и серой жизни, а теперь, при тусклом освещении узкого переулка, опять всё припомнилось.

Надя миновала первый двор дома, где они жили, прошла и мрачную арку с тёмной дверью в дворницкую и вышла в узкий и вонючий второй двор, куда выходила чёрная лестница, с узкими площадками и с тусклыми и робко вздрагивавшими керосиновыми лампами в неуклюжих фонарях. На звонок Наде отворила сама мать. В прихожей было темно, в соседней комнате, под неизменным зелёным абажуром, горела лампа, заливая тусклым светом серую скатерть с красной бахромой, большой овальный медный поднос с чашками и чайником и тарелку, на которой лежал серый дешёвый ситник, нарезанный толстыми неуклюжими ломтями. Со всех сторон Надю обступали тёмные стены, с дешёвыми картинками, сверху давил низкий потолок, а со двора сквозь стёкла двойных рам смотрела чёрная неприветливая ночь, и светленькие гардины, перевязанные розовыми ленточками, казалось, ещё более оттеняли тёмные фоны стен и окон.

Всё время, пока пили чай, мать вздыхала, охала от зубной боли и рассуждала на те же длинные темы нужды и забот; не раз заговаривала она и о пустующей комнате, прося Бога услышать её молитву и послать жильца – тихого и исправно-

го плательщика...

– Вот тоже и ещё забота, – вдруг проговорила она, подняв глаза на Надю, – инспектор говорит, что Колиньке репетитора надо перед экзаменами, а то он слаб там в чём-то...

После короткой паузы старуха перевела глаза на сына и, переменяв тон, продолжала:

– Уж сколько раз я тебе твержу, сколько твержу – занимайся, старайся, отца-то у тебя нет!.. И всё как в стену горюх... Не проймёшь тебя, Николай, ни бранью, ни лаской... Одна ведь я, да и пенсия-то одна!.. Вон Надюша пятнадцать получает, и тебе бы, верно, идти куда-нибудь в услужение, а то когда ты выучишься!.. Господи!.. Господи!..

Она долго ещё говорила на эту невесёлую тему... Морщинистое жёлтое лицо её, казалось, ещё больше похудело, слезящиеся глаза заплыли в складки, бледные губы шевелились как-то устало, словно и действительно они утомились изо дня в день произносить одно и то же, одно и то же...

Надя и Коля были заняты своими думами. Коля размышлял об экзаменах, которые всякий раз смущали его покой, отравляя юношескую удаль и беспечность; размышлял он и об репетиторе и знал заранее, что сколько ни думай на эту тему, всё равно – из дум репетитора не выдавишь. То же самое было и в прошлом году: инспектор советовал взять репетитора, дома и мать и Надя также очень долго говорили о репетиторе, а готовиться к экзаменам всё же приходилось одному, и Коля утешал себя, что прилежанием или зубрёж-

кой он добьётся перевода в четвёртый класс...

Надя торопилась покончить с чаем, чтобы уйти от этих скучных разговоров. Она зажгла маленькую лампочку, прошла в свою комнатку и, плотно притворив за собою дверь, вздохнула свободнее. Всю меблировку её крошечной комнаты составляла постель под белым пикейным одеялом с кружевными накидками на подушках, небольшой комод, уставленный какими-то коробочками, склянками из-под духов и дешёвыми грубыми статуэтками. Посредине комода стояло небольшое овальное зеркало, кроме рамы, почему-то ещё обёрнутое тюлем. На комодe в вазах стояли цветы; это были искусственные цветы, но изящно сделанные и до иллюзии походившие на цветы живые; на стене, окружая какие-то фотографические карточки, были ещё цветы, но это были уже поблекшие и потемневшие бутоны. Надя нередко приносила из магазина целые букеты цветов, «брак», как называли эти букеты и хозяйка, и помощница Нади, но всё же эти цветы приятно пахли и, приколотые к стене, радовали девушку.

Надя посмотрела в зеркало, озарённое лампой, и улыбнулась, довольная своим красивым личиком, всё ещё залитым румянцем. А глаза её, тёмные и лучистые, всё также были широко раскрыты, словно она хотела прочесть на своём лице то *новое*, что волнует её весь вечер, с тех пор, как появился в магазине «он», высокий, стройный, с красивым юным лицом, на котором разгорелся от мороза румянец и тёмненькие усики обрисовывались такими задорными стрелками...

Надя помнит, как быстро он вошёл, распахнул николаевскую шинель с бобровым воротником, звякнул шпорами и, слегка прикоснувшись пальцами к фуражке, попросил Надю показать цветы. При этом его глаза как-то особенно сверкнули; он быстро окинул взглядом девушку и улыбнулся. Говорил он тихо, нараспев и, рассматривая то один то другой из букетов, подносил цветы к лицу и в упор смотрел в лицо девушке. Глаза её встречались с его взглядами, и она почему-то краснела, робела, а голос её словно упал и сердце от чего-то с тревогою билось. Наконец, он выбрал два букета и попросил составить из них один. Пока девушка перебирала нежные стволики, присматриваясь к букетам, он не спускал с неё глаз и тихо говорил:

– Вот так... так... Этот сюда... А тот красный бутон, пожалуйста, сюда, выше других... вот так...

Офицер поднял глаза и посмотрел на красный цветок, приколотый к тёмным вьющимся волосам девушки. Надя поймала этот мимолётный, но какой-то особенный взгляд, и они оба покраснели. Он быстро повернулся и подошёл к кассе, а Надя повела глазами по магазину, словно озабоченная – не подсмотрел ли кто их немых взглядов. Вокруг Нади стояли молчаливые, декоративно расставленные растения, а красивые цветы, казалось, кивали ей своими красивыми, голубыми и белыми, головками.

Пока он стоял у кассы, пока шёл до двери, кутаясь в полы шинели, она следила за ним глазами, и когда он притворил

за собою дверь – глаза их снова встретились и снова обменялись немymi взглядами. Надя пошла ближе к окну и из-за широких листьев филодендрона видела, как он уселся в сани, запахнул мохнатую полость, и красивая лошадь на тонких ногах тронулась с места. Их взгляды ещё раз встретились, а потом и лошадь, и сани, и седок скрылись за окном...

И теперь Наде кажется, что на неё всё ещё смотрят эти чудные глаза незнакомого ей человека и улыбаются нежно и приветливо, и засматривают в её душу. Вдруг, как будто что-то припомнив, Надя ближе придвинулась к зеркалу и ощупала на волосах цветок... Она отделила его от локона и близко поднесла к лампе. Ярко-красный и пышный когда-то, он теперь был смят, а широкие лепестки потемнели. Она с тоской посмотрела на поблекший цветок, и в её душе заныло что-то тревожное и тоскливое. Цветок так много напоминал ей о том, что произошло в магазине, явившись немым посредником между нею и тем молодым офицером, который говорил так тихо и вкрадчиво, и улыбался, и искал её своими горящими глазами... Надя ещё раз с тоской посмотрела на поблекшие лепестки, и сердце её сжалось, мысли рассеялись... Поблекший цветок напоминал ей о том, что было когда-то, и что не вернётся и не повторится, как не оживут эти помятые и поблекшие лепестки...

В дверь в комнату Нади постучалась мать и позвала девушку ужинать... Она вздрогнула и осмотрелась... Она отворила дверь в зальце... На столе горела лампа под зелёным

абажуром, за столом сидел Коля... В кухне пробили старинные часы, с каким-то странным вздрагиванием пружины и гулом, печальным и тягучим...

* * *

На другой день, часов в шесть вечера, когда магазин был залит электрическим светом, у подъезда остановилась карета. Выездной лакей помог выйти из экипажа седой даме в дорогой плюшевой шляпе и в бархатной ротонде. Дама вошла в магазин и, важно подняв лицо с двойным подбородком, сообщила немке, что завтра ей потребуются цветы.

– Главное, стол надо убрать, где будет закуска и фрукты... Понимаете... вазы... вазы наполнить цветами...

Заподозрив в даме солидного покупателя, немка просияла и с удесятёрённою любезностью старалась показать свой товар лицом. Дама, впрочем, мало интересовалась подбором цветов, – ей нужны были цветы, а какие – не всё ли равно.

Заказчица уехала, и немка стала совещаться с Надей, как выполнить заказ. Она доверяла девушке во всём и не сомневалась, что Надя сумеет выбрать цветы, сумеет и украсить ими стол прилично для свадебного бала, о чём особенно важно сообщила богатая заказчица.

На следующий день, часов в одиннадцать утра, Надя уже была в громадном вестибюле дома, на одной из аристократических улиц. Девушка поджидала, пока встанет госпожа,

чтоб приняться за работу. Около неё на диванчике с гнутой спинкой, на полу и на окнах стояли корзины и ящики с цветами.

После одиннадцати с лестницы спустился старый лакей и сообщил девушке, что барыня встала, кушает кофе и просит Надю отправиться со своими корзинами наверх. Девушка не раз бывала в таких же роскошных домах, умело и без стеснения держалась на этих широких лестницах с пышными коврами, в которых утопают ноги, и с отполированными перилами, по которым так легко скользит рука.

В квадратной столовой, с дубовым буфетом, с рядами стульев вдоль стен и с висячей люстрой над столом, за которым сидела дама в бархатном капоте, – было сумрачно, но уютно. Надя только и успела рассмотреть кофейник на столе, большую чашку на блестящем подносе и седые волосы на голове дамы.

– Вот пройдите сюда, налево... там и столы и вазы готовы, – тихо проговорила хозяйка и повела рукою вправо.

Надя неловко раскланялась с нею и последовала за лакеями.

В обширной комнате, куда она вошла, в одном углу длинные и узкие столы с белыми скатертями были составлены покоем. На столах толпились вазы разных величин и с разнообразной окраской по расписным бокам и какие-то кубки с вытянутыми горлышками. По четырём углам комнаты стояли высокие красивые подставки, также с вазами, а около окон

возвышались пальмы, фикусы, филодендроны и масса мелких горшков с разнообразными растениями. Лакеи составили на паркет корзины и ящики и быстро вышли.

Надя осталась одна и осмотрелась. Отделка стен с дорогими картинами, резьба потолков, с которых в трёх местах спускались красивые люстры, золочёная мебель, бархатные портьеры и всё убранство показалось девушке дорогим и изящным, главное – изящным.

Свою работу Надя начала с большой тёмной вазы, стенки которой были украшены инкрустацией из белых лилий, искусно перевивавшихся снизу доверху в виде пышной гирлянды. Надя осмотрела эту красивую отделку вазы и задумалась: ей представилось, что если эту вазу наполнить цветами преимущественно светлых оттенков, они так красиво сочетаются с тёмным фоном. Через полчаса она уже выравнивала отдельные лепестки, венчики склонившихся цветов и яркую зелень, мохнатой бахромой отделявшую белое кольцо бутонов от тёмного фона стенок вазы. В эту минуту в комнату вошла седая дама. Молча постояла она около стола, рассматривая работу девушки, и, наконец, тихо проговорила.

– А это вы мило придумали! Это такое красивое сочетание!.. Как будто и гирлянды из живых цветов... – и она показала на инкрустации из фарфоровых лилий.

Дама ещё несколько минут посмотрела на работу девушки и вышла в среднюю дверь. Через полчаса она вернулась, но теперь была уже одета в тёмно-коричневое платье. Проходя

мимо Нади, она как бы случайно выронила:

– Эту вазу мы и поставим около новобрачных... Белые цветы – чистые цветы!..

Она задумалась, обвела комнату тусклыми серыми глазами, вздохнула и, прикалывая к голове шляпку, добавила:

– Вам здесь никто не будет мешать, а если что-нибудь понадобится поднять тяжёлое – подавите вот тут кнопку, и к вам придут...

Она махнула перчаткой куда-то в угол за портьеру и вышла. Надя отступила от стола на несколько шагов и издали осмотрела тёмную вазу с цветами. Искусно составленный букет, действительно, так красиво сочетался с тёмным матовым цветом вазы и белоснежными лилиями. Ей припомнились слова седой дамы, когда та говорила о каких-то новобрачных и о белых и чистых цветах, – и Надей овладело самодовольное чувство! Она узнала, что ваза с этим красиво составленным букетом будет украшать стол, и именно то место стола, где будут сидеть виновники торжества и весёлые и нарядные гости. И невольно она задалась вопросом – что они, эти новобрачные? Молоды ли? Красивы ли собою?.. Дальше представления девушки сплелись с недавно вычитанными главами из одного переводного романа. Там также была свадьба, гремела музыка, гости танцевали, а обширные залы утопали в зелени и цветах. Только там бал описывался в старинном замке на берегу какого-то тёплого моря, где и звёзды ярче, и небо темнее и ночь покойнее и по-

этичней!.. Здесь за окнами широкая улица столицы, по сторонам громадные многоэтажные дома, над ними серое угрюмое небо...

Это небо своим сумраком всегда сердит Надю, больше как будто засматривает в душу девушки и заносит в неё сумрак и скуку, напоминая об её однообразной и скучной жизни в их крошечной квартирке с низким потолком и с этим противным зелёным абажуром, из под которого по вечерам так тускло мигает дешёвая лампочка. И девушке представляется, что какая-то такая же дешёвая лампочка, но не яркие звёзды над тёмным морем, озаряет и её жизнь.

Надя старательнее занялась работой, чтобы отогнать от себя эти мрачные мысли. В её руках были пучки зелени и цветов, и она, вдыхая их тонкий аромат, любовалась ими и с любовью комбинировала из них красивые группы. Она бережно подняла со дна корзины красные розы и, отделив от них одну, самую большую и пышную, – принялась прикалывать цветок к волосам. Она подошла к зеркалу в одном из простенков и осмотрела себя с ног до головы. На губах её сложилась счастливая улыбка, и она пристально посмотрела на розу, застрявшую в складках тёмных прядей волос. Она вспомнила его, молодого офицера, виновника её каких-то неясных, тревожных и приятных ощущений. Тогда, в магазине, он как-то особенно посмотрел на такой же цветок, приколотый к волосам, а потом перевёл свой взгляд на её глаза – и они оба почему-то покраснели.

Думая о нём, она и не заметила, что на дне двух корзин и ящика остались лишь облетевшие лепестки, помятые или поблекшие бутоны и обрывки зелени, а все красивые цветы и шелковистая зелень заполняли вазы, оставалось только расставить вазы вдоль стола и приступить к уборке ваз по углам комнаты...

Надя любовалась своей работой, низко склонив голову к одной из ваз и изредка пощёлкивая ножницами. Вдруг она смутилась, подняла голову и опустила руки. Тихо ступая по паркету и слегка позвякивая шпорами, к ней подходил «он». Девушка ещё больше смутилась, встретившись с его взглядом, покраснела и не сразу отдала себе отчёт, что это не сон, но что это подходит к ней тот самый офицер, который был в магазине. На нём был красиво сшитый сюртук с погонами. Полные щёки его красивого лица были залиты румянцем, и, снимая перчатку с руки, он смотрел в сторону девушки широко раскрытыми, изумлёнными глазами, но Наде казалось, что в этом взгляде есть также и то, что смутило её когда-то, и отчего сердце её так сладко сжимается.

Он не сказал ни слова и также тихо прошёл до конца комнаты и скрылся за массивной дубовой дверью. Девушка посмотрела ему вслед, всё ещё не успев овладеть собою. Что-то тревожное, жгучее и необычайное овладело ею, и она ещё ближе прильнула к вазе с цветами и ещё сильнее забряцали в её руке ножницы, которыми она подравнивала зелёную бахрому из тонких листьев. Скоро он опять вышел в зал и мол-

ча прошёлся до столовой. Немного спустя в столовой послышался чей-то грубоватый голос, и Надя видела, как офицер махнул рукою и приказал кому-то уйти. Немного спустя он подошёл к столу, где работала девушка, и тихо произнёс:

– Может быть, вам помочь?..

Надя в смущении посмотрела на него и промолчала.

– Впрочем, у вас почти всё кончено, – добавил он, покосившись на пустые корзины, – и так мило вышло!..

Он осмотрел все вазы, осторожно дотрагиваясь рукою до цветов и остановившись по другую сторону стола, слегка перегнул свою тонкую талию, опёрся рукою в край стола и стал пристально рассматривать лицо, руки, шею и голову девушки. Надя трепетала под влиянием этих бесцеремонных взглядов и боялась поднять глаза, полные какого-то странного смущения. Руки её дрожали, и она звяканьем ножниц старалась заглушить свою внутреннюю тревогу.

– Посмотрите, вы так увлеклись своей работой, что не заметили и срезали такой дивный цветок, – говорил он, поднимая со стола только что упавший тюльпан.

– Его надо было убрать! – тихо решила вымолвить девушка и ещё больше смутилась, как бы подтвердив своими словами собственную оплошность.

– Не надо давать большой власти таким красивым пальчикам! – проговорил офицер, улыбаясь, и протянул руку к тому месту зеленеющей бахромы, где пальчики Нади, вооружённые ножницами, подрезали какие-то комочки и корешки.

– Не надо давать власти и языку! – вдруг неожиданно для себя вымолвила девушка и смущённо смолкла.

Ей вдруг захотелось быть смелой, прямо и без смущения смотреть в дерзкие и лукавые глаза молодого человека, чтобы под этой развязностью и даже дерзостью скрыть тревогу и смущение. Но этим она только подзадорила молодого человека, развязав ему язык и разбудив в нём смутные желания. Он ещё ниже склонялся к столу, с полузакрытыми глазами протягивал к Наде руки, потом глаза его раскрывались, и он с дерзкой усмешкой на губах рассматривал тонкие руки девушки, её пылающие от смущения щёки и опущенные ресницы.

Он вспомнил о том, как в первый раз встретил её в магазине, и тогда на её волосах была приколотая такая же яркая роза, как потом он уехал и долго весь вечер и целый следующий день думал об этом цветке. Рассказал он и о том, как час тому назад, сгорая от нетерпения увидеться с нею, он заехал в их магазин, купил ненужный ему букет цветов и ушёл разочарованным. Понизив голос до тихих вкрадчивых ноток, он говорил ей о том, как изумлён был, встретив её здесь, за этим столом, среди цветов, с красным цветком на пышных локонах...

– Вы знаете, – продолжал он, – за всю свою короткую жизнь цветы только раз расцветают! И в душе есть такие же чувства, тонкие и неуловимые!.. Они также только раз расцветают, а потом будничные, серые чувства сменяют их, и

душа увядает... И вы хотите омрачить эти дорогие минуты! Вы так сурово смотрите на меня! – бормотал он.

Девушка слушала его и ничего не понимала, и только последняя фраза молодого человека ещё больше смутила её.

Он смолк и поднял глаза. Он видел, как с лица девушки сбежало суровое выражение, она улыбнулась, взглянула на него, вспыхнула и разом побледнела. Она опустила ресницы. Он нежно взял её за руки и потянул к себе через стол. Она выпрямилась и вскрикнула... Он был уже около неё. Он нежно обнимал её за талию, целовал её, снова вспыхнувшие щёки, горящими губами припадал к её трепетным губам и ловил взгляд её тёмных лучистых глаз... Голова её опустилась, руки похолодели. Он двинулся вправо к двери, и она подалась за ним, слабая, трепещущая и опьянённая ароматом цветов и его горячими поцелуями...

* * *

Утром бледный свет едва пробивался сквозь тюлевые занавески, и в обширном зале с золочёными стульями было пустынно и неуютно. На столах стояли вазы с цветами, тут же на белой, но теперь помятой и залитой вином, скатерти стояли тарелки с объедками, запачканные вилки и ножи, и бокалы, и рюмки с недопитым вином. В воздухе носился какой-то смрад, затхлый и удушливый.

Вчера здесь было много гостей, вчера здесь много говори-

ли, смеялись, пили и ели... В соседней комнате гремела музыка, и там долго и много танцевали. По паркету кружились красивые и нарядно одетые кавалеры и дамы, в нестройный хор мешались возгласы, говор и смех, и бряцанье шпор...

Здесь, в этой обширной комнате, собирались усталые, запыхавшиеся и потные танцоры, утоляли жар прохладительными напитками, заедали весёлую речь вкусными фруктами, пили вино, говорили тосты и снова пили, и слышался звон хрусталя!..

В третьем часу сели ужинать. «Он» сидел около тёмной вазы с белыми чистыми цветами. Рядом с ним сидела блондинка, с пышными белокурыми локонами волос, в которые были вплетены цветы, гирлянды цветов украшали и её полюбощённую грудь и нарядное платье. Они оба были веселы, не успевали отвечать на приветствия гостей, не успевали им улыбаться... Когда их, виновников торжества, оставляли в покое, он отдавался самому себе, вспоминал то, что произошло в этой комнате сегодня днём, – и сердце его билось тревожнее, и в вазах с цветами он искал красный цветок... Он посмотрел на свою соседку и только теперь, казалось, рассмотрел её. Впрочем, он знал и раньше, что она не так интересна как теперь, когда, при ярком освещении в атмосфере праздника, среди нарядных туалетов и урод кажется красивым. Любил ли он её? И на этот вопрос он затруднился бы ответить. Он часто встречался с нею в обществе, видел, что её, богатую и знатную, сопровождает постоянное

внимание его товарищей, родных и многочисленных знакомых. Многие почему-то считали, что быть её мужем – особая честь и слава, и он видел, что многие из его сверстников идут навстречу этому счастью. Случилось так, что он вышел победителем, но эта не была победа сердца, – это была победа рассудка, чему больше других радовались его мать и старший дядюшка.

И вот, вся комедия кончена, они связаны. Их вдвоём все теперь только и замечают, их даже посадили рядом! «Какое мещанство!» – подумал он и посмотрел на мать и на дядю, который, приняв близкое участие в торжестве, непременно условием поставил, чтобы весь церемониал свадьбы проделался по обычаям старины. И ему порою казалось, что всё сделалось так, как хотели и этот почтенный заслуженный дядюшка и мать: захотели они – и ему понравилась она, теперь его молодая жена, и были минуты, когда он уверял себя, что полюбил её, даже больше – любит её давно... Но вот гости разъехались, и они остались вдвоём, и ему показалось, что только в этот момент он и разгадал загадку, какую задала ему судьба.

Утром он проснулся рано с какой-то тупой болью в голове. В спальне стоял сумрак, благодаря тяжёлым портьерам на окнах, как в склепе было темно и душно и под штофным балдахинном над их постелью... В сумраке он рассмотрел «её» тонкую фигуру под атласным одеялом: голова её, всё ещё украшенная цветами, была закинута за край подуш-

ки, одна рука была вытянута вдоль бедра, а другой она как будто старалась схватить что-то. Он словно испугался этого жеста, отошёл от постели и накинул на себя халат.

В кабинете, куда он вышел, было светло. Он закурил сигару и хотел было опуститься на оттоманку, но потом быстро переменял своё решение. Он точно с испугом посмотрел на эту оттоманку, где теперь лежал лиф роскошного венчального платья жены, вспомнил, что это он вчера положил его здесь, когда они были вдвоём... В памяти всплывали подробности их первого свидания наедине, но он словно старался отогнать эти воспоминания, и в этом помогала та же память.

Ему припоминалась их большая гостиная, озарённая дневным светом, в углу белели под скатертями столы, составленные *покоем*, на них вазы с цветами; припоминалась ему и Надя с красной розой в прядях волос... Потом она так беспомощно склонилась ему на плечо, и он целовал её, а она отвечала жгучими поцелуями...

Он вышел в гостиную и осмотрелся. Неуютной показалась она ему в полумраке, неприбранная и с тяжёлым удушливым воздухом. Он прошёл мимо столов, беззвучно ступая мягкими туфлями, подошёл к одному из окон и, откинув тяжёлую драпировку, опустился в кресло. Тюлевая занавесь застилала от него свет дня, и он с сердцем отдернул её в сторону.

Полоса света, немного ярче общего фона, лежавшего на полу и на обстановке комнаты, вползла в окно и упала на

стол с вазами, где всё ещё пестрели цветы... Ночью здесь так много было людей; они говорили, смеялись, поглотили весь чистый воздух, и, разъехавшись по домам, развезли с собою запах цветов – и они увяли и склонили красивые головки...

Он посмотрел на цветы. Поблекшие, при скудном свете сумрачного дня, они перестали казаться ему красивыми, и он отвернулся и посмотрел в окно. Прямо виднелись ряды окон домов на противоположной стороне улицы, над кровлями висело туманное хмурое небо...